

DOI: 10.31857/S241377150014558-6

Театральный проезд или проезд Театра? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии)

© 2021 г. М. Ю. Федосюк

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 г. И. И. Бакланова

Доктор филологических наук,
профессор Национального исследовательского
ядерного университета “МИФИ”,
Россия, 115409, Москва, Каширское шоссе, д. 31
ibaklanova@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию: 29 января 2021 г.

Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Статья посвящена поискам ответа на вопрос о том, почему при существовании таких внутригородских топонимов, как *Театральный проезд* и *проезд Художественного театра*, а также *Библиотечная улица* или *Баный переулок*, ненормативны такие названия, как **проезд Театра*, **улица Библиотеки* или **переулок Бань*. На материале истории московских топонимов показано, что топонимическая модель “слова типа *улица, переулок* + существительное в родительном падеже” появилась после 1917 г. Это было связано, во-первых, с переходом от естественного способа образования внутригородских топонимов в речи носителей языка к созданию топонимов органами власти, а во-вторых, с дополнением ведущей, номинативной функции топонимов функциями мемориальной и пропагандистской. В тех случаях, когда топонимы создаются не стихийно, а по решению властей, причем не только с целью номинации, но и для увековечивания памятных событий и выдающихся людей, модель, использующая родительный падеж, удобнее, поскольку обладает большей универсальностью. Важное ограничение, которое система русского языка налагает на лексическое наполнение рассматриваемой модели, состоит в том, что существительные в форме родительного падежа, выступающие как несогласованные определения при словах типа *улица*, должны привязывать содержание этих слов к знаниям адресатов и, следовательно, выражать смыслы, понятные адресатам. По этой причине при существовании или потенциальной возможности таких топонимов, как *проезд Художественного Театра* и *переулок Сандуновских Бань* (благодаря определениям, адресатам понятно, о каком театре и о каких банях идет речь), не соответствуют норме названия **проезд Театра* или **переулок Бань*. Такое ограничение компенсируется возможностью образования топонимов типа *Театральный проезд* или *Баный переулок*, где согласованные определения обозначают отнесенность к таким предметам, которые необязательно известны адресатам.

Ключевые слова: внутригородские топонимы, топонимическая модель, согласованные определения, несогласованные определения, приименной родительный падеж, актуализация, переименование улиц.

Для цитирования: Федосюк М.Ю., Бакланова И.И. *Театральный проезд или проезд Театра? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии)* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 87–97. DOI: 10.31857/S241377150014558-6.

Teatral'nyj Proezd or Proezd Teatra? (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)

© 2021 Mikhail Yu. Fedosyuk

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1–13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 Irina I. Baklanova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute)
31 Kashirskoe highway, Moscow, 115409, Russia
ibaklanova@yandex.ru

Received by Editor on January 29, 2021

Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article deals with the question of why, in the existence of such Russian street names as *Teatral'nyj proezd* ('Theater Lane') and *proezd Khudozhestvennogo Teatra* ('Lane of the Art Theater') as well as *Bibliotchnaya ulica* ('Library street') or *Bannyj pereulok* ('Bath-House Lane'), such names as *ulica Biblioteki* ('Street of a Library') or *pereulok Ban'* ('Lane of Bath-Houses') are impossible. With reference to the material of the history of Moscow street names, it is shown that the toponymic model "words like *street*, *lane*, etc. + noun in the genitive case" appeared after 1917. This was due, firstly, to the transition from the natural method of forming street names to the administrative method, and, secondly, with the addition of the leading, nominative function of toponyms with memorial and propaganda functions. In cases where street names are created not spontaneously, in the process of verbal communication, but by decisions of the administration, and not only for the purpose of nomination, but also for perpetuating memorable events and outstanding people, the model using the genitive case is more convenient, since it has greater universality. An important limitation that the grammatical system of the Russian language imposes on the lexical content of the model under consideration is due to the fact that the position of words in the genitive case, which are attached to nouns, is intended to actualize the meanings of the words being defined. This means that nouns in the genitive case, acting as unconcorded attributes for words like *street*, should bind the content of these words to the knowledge of the addressees, and therefore express meanings that are understandable to them. For this reason, with the existence or potential possibility of such toponyms as *proezd Khudozhestvennogo Teatra* ('Lane of the Art Theater') or *pereulok Sandunovskih Ban* ('Lane of the Sandunovsky Bath-Houses') (thanks to attributes, the addressees understand which theater and which Bath-Houses are in question), the names *proezd Teatra* ('Lane of a Theater') or *pereulok Ban'* ('Lane of Bath-Houses') do not correspond to the language norms. This limitation is compensated by the possibility of forming toponyms such as *Teatral'nyj proezd* ('Theater Lane') and *Bannyj pereulok* ('Bath-House Lane'), which use the traditional toponymic model.

Key words: street names, toponymic model, concorded attributes, unconcorded attributes, genitive of definition, actualization, renaming of streets.

For citation: Fedosyuk, M.Yu., Baklanova, I.I. *Teatral'nyj proezd ili proezd Teatra? (Soglasovannye i nesoglasovannye opredeleniya vo vnutrigorodskoj toponimii)* [*Teatral'nyj Proezd or Proezd Teatra? (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)*]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 87–97. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014558-6.

1. К постановке проблемы

Обучение русскому языку иностранцев нередко ставит перед русскоязычным преподавателем такие вопросы о его родном языке, над которыми он никогда прежде не задумывался и на которые нелегко найти ответы в русских грамматиках. Именно такой вопрос был задан одному из авторов этой статьи в письме от его коллеги, доцента Сибирского федерального университета А.Н. Сперанской. «Сейчас я работаю в Китае по научному контракту, — писала А.Н. Сперанская, — но есть одна группа китайских бакалавров 3-го курса, в которой я веду раз в неделю занятие. На прошедшем занятии, посвящённом языку города, студенты давали имена улицам. И у них встретились названия *ул. Народа*, *ул. Спорта*, *ул. Театра*, *ул. Парка*, *ул. Мусульман* (я работаю в провинции Ганьсу, а это северо-запад Китая, здесь много мусульман). И вот я пытаюсь понять, как объяснить, что эти названия невозможны. Не могли бы Вы, Михаил Юрьевич, хоть немного помочь разобраться?».

Оценка А.Н. Сперанской названий типа *улица Народа* или *улица Театра* как невозможных в русском языке не вызывает возражений. В подтверждение сказанного можно вспомнить, что со словом *театр* в топонимии Москвы связаны названия двух улиц. Это, во-первых, *Театральный проезд*, а во-вторых, *проезд Художественного Театра* (так в 1923–1992 гг. назывался нынешний *Камергерский переулок*). Однако при этом трудно представить себе название **проезд Театра*. К сказанному следует добавить, что в Москве есть *Банный переулок*, *Библиотечная* и *Школьная* улицы, отсутствуют, хотя и теоретически возможны, такие названия, как *переулок Сандуновских Бань*, *улица Библиотеки Иностранной Литературы* или *улица Высшей Школы Экономики*, однако названий **переулок Бань*, **улица Библиотеки* или **улица Школы* быть не может¹.

Означает ли это, что наименования, имеющие форму «улица + нарицательное существительное в форме родительного падежа», могут существовать, только если при существительном стоит определение? Отнюдь нет, о чем свидетельствуют такие не вызывающие никаких возражений московские названия, как

проспект Мира, *улицы Свободы*, *Космонавтов* или *Авиаторов*.

В чем же состоят ограничения на использование несогласованных определений в русских названиях городских улиц? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, ниже мы вначале охарактеризуем основные модели, по которым строятся русские внутригородские топонимы, и рассмотрим их историю, а затем попытаемся определить, какие ограничения накладывает грамматическая система русского языка на использование каждой из этих моделей. Наша работа выполнена преимущественно на материале топонимии Москвы.

2. Из истории названий улиц в российских городах

На протяжении многих веков названия улиц в российских городах возникали, если так можно выразиться, естественным, а не административным путем. Вначале они появлялись в речи жителей этих городов и лишь затем фиксировались картографами и городскими властями. Если названия в народной речи с течением времени изменялись, то картографы и власти регистрировали эти изменения. В те времена внутригородские топонимы имели чисто номинативную функцию, а потому отражали те признаки улицы, которые были известны большинству горожан и, следовательно, легко могли подсказать многим ее местонахождение. Именно по этой причине, как отмечает П.В. Сытин, наименования многих московских улиц, возникшие до 1917 г., были мотивированы названиями городов, дороги в которые начинались этими улицами (*Тверская*, *Дмитровка*, *Калужская*, *Серпуховская*); названиями монастырей, к которым эти улицы вели (*Петровка*, *Рождественка*, *Сретенка*, *Донская*); наименованиями стоявших на этих улицах церквей (*Тихвинская улица*, где располагалась церковь Тихвинской Богоматери, *Пятницкая улица*, на которой стояла церковь Параскевы Пятницы, *Мартыновский переулок*, находившийся близ церкви Мартина Исповедника); названиями кабаков (*улицы Волхонка*, *Плющиха* и *Ладожская*, где находились кабаки «Волхонка», «Плющиха» и «Ладуга», последнее название именно в таком написании); названиями слобод, на территории которых эти улицы располагались (*Татарские* и *Хамовнические* улицы, *Мясницкая улица*); фамилиями домовладельцев (*Трубецкая* и *Хавская* улицы, *улица Башиловка*) и, наконец, особенностями местностей, где были проложены улицы

¹ Все сведения о московских внутригородских топонимах, которые приведены в статье без специального указания на источник, почерпнуты из словаря [1].

(*Миусская площадь*, появившаяся на месте Миусского поля, *Болотная и Песчаная улицы, Глинищевский переулочек*) [2, с. 41–47]. Аналогичные исконные мотивировки названий улиц перечисляет и Т.В. Шмелева применительно к Великому Новгороду, что подчеркивает закономерность устройства системы традиционных городских наименований для всех исторически сложившихся русских городов [3, с. 78].

Вместе с тем, как отмечает П.В. Сытин, еще в дореволюционное время в Москве стали появляться улицы, названия которых были мотивированы не присущими этим улицам признаками, а именами великих людей. В качестве примера П.В. Сытин приводит названия *Гоголевская, Лермонтовская и Некрасовская улицы*, появившиеся в конце XIX в. в старинном селе Черкизове незадолго до его включения в состав Москвы (теперь в этом районе сохранилась лишь *Лермонтовская улица*) [2, с. 43]. К подобным названиям можно добавить еще и *Тургеневскую площадь*, получившую свое название в 1885 г., *Кутузовские переулочек и проезд*, названные так в 1912 г., а также *Скобелевскую площадь* (это название нынешней Тверской площади, увековечивавшее имя героя Русско-турецкой войны генерала М.Д. Скобелева, просуществовало с 1912 по 1918 г.).

Трудно себе представить, чтобы названия типа *Тургеневская площадь* или *Гоголевская улица* стихийно появлялись в речи горожан, и это дает основания для вывода о том, что еще в дореволюционной России некоторые из внутригородских топонимов возникали не естественным, а административным путем. Подобные “административные” топонимы стали придавать названиям улиц новую функцию — мемориальную, т.е. направленность на сохранение в памяти горожан имен выдающихся деятелей. При этом номинативная функция названий все же оставалась и остается главной. Наименования типа *Тургеневская площадь* употребляются в речи в первую очередь не для напоминания об известном человеке, а для обозначения определенного места в городе. Иными словами, для того чтобы найти в Москве Тургеневскую площадь, совсем необязательно знать, кто такой Тургенев.

Несмотря на очевидный факт второстепенности мемориальной функции внутригородских топонимов, после революции 1917 г. эта функция стала восприниматься новыми властями едва ли не как главная. Обратимся

к истории. «В 1917 г., — пишет П.В. Сытин, — к Москве были присоединены пригороды в черте Окружной ж. д., имевшие большей частью улицы и переулочки с такими же названиями, как и в городе. <...> Таким образом, в разных районах появились новые, но одинаковые названия. Одноименные названия затрудняли работу почты, телеграфа, пожарных, скорой помощи и других городских учреждений. Потребовалось взяться всерьез и навести порядок в этом деле. При Моссовете в 1921 г. была образована комиссия, которая должна была переименовать одноименные улицы и переулочки по “археологическим данным”. Через год работа комиссии была окончена, и 7 июня 1922 г. Моссовет утвердил переименование 477 улиц и переулочков Москвы» [2, с. 49].

Результаты произведенных переименований могут показаться неожиданными. Помимо предполагавшегося устранения повторяющихся названий, «по предложению комиссии были заменены названия, в какой-либо мере связанные с памятью о царском режиме, именами членов “царской фамилии”, бывших заправил царской реакции и т.д.» [2, с. 50]. В результате из почти 500 переименованных улиц значительная их часть лишилась своих прежних названий ради выполнения не номинативной, а мемориальной функции, к которой добавилась еще и функция пропагандистская. А то, что исчезновение привычных и появление нескольких сот незнакомых москвичам названий ослабит номинативную функцию наименований улиц и тем самым существенно затруднит не только упомянутую П.В. Сытиным “работу почты, телеграфа, пожарных, скорой помощи и других городских учреждений”, но и жизнь простых горожан, не было принято во внимание.

Какими же названиями заменялись наименования улиц, “связанные с памятью о царском режиме”? Как пишет Т.В. Шмелева, “новые городские топонимы представляли собой два семиотических типа — д е м о н с т р а т и в ы и м е м о р а т и в ы. Первые предъявляли населению советских городов новые ценности — Пролетариат, Революция, Советы, Республика. Назначение вторых — увековечивать имена вождей и героев революции” [3, с. 80]. Естественно, что во всех городах страны новые названия улиц оказались почти одинаковыми. Высмеивая эту одинаковость, Владимир Маяковский в стихотворении “Фамильярность” писал: “Куда бы ты / ни направил разбег, / и

как ни ёрзай, / и где ногой ни ступи, — / есть Марксов проспект, / и улица Розы, / и Луначарского — / переулок или тупик”.

К сказанному следует добавить, что, вопреки намерениям властей, многие новые названия улиц не выполняли и не выполняют той мемориальной функции, ради которой они были даны. Представляется, что эту функцию способны реализовывать лишь такие названия, как *Тургеневская площадь* или *Кутузовский проезд*, т.е. наименования, данные в честь хорошо известных людей. Если же в названии улицы стоит никому не известная фамилия, то никакой мемориальной информации оно не несет. Приведем пример. В московском районе Сокольники неподалеку друг от друга расположены две улицы — *Бабаевская* и *Маленковская*. Большинство москвичей могут сказать об этих названиях только то, что, скорее всего, они образованы от фамилий россиян. Однако знают ли окрестные жители, в честь кого эти улицы названы? Лишь обращение к справочной литературе позволяет узнать, что оба названия были даны в 1922 г.: первое — “в память о Петре Акимовиче Бабаеве (1883–1920) — слесаре Новоскольнического трамвайного парка, председателе Сокольнического райсовета” [1, с. 42]², а второе — совсем не в честь Георгия Максимилиановича Маленкова — памятного представителя старшего поколения россиян несостоявшегося преемника И.В. Сталина, а “в память о Емельяне Михайловиче Маленкове (1890–1918), участнике Октябрьской революции и гражданской войны” [1, с. 295], который, кстати, до П.А. Бабаева тоже занимал пост председателя Сокольнического райсовета [5, с. 385]. Незнание обоим имен нашим современникам позволяет утверждать, что мемориальная функция названиями этих улиц утрачена.

Переименования 1922 г. положили начало волне мемориально-пропагандистских переименований московских улиц, которая, то усиливаясь, то ослабевая, шла до конца 1980-х гг., после чего, наоборот, началась кампания по восстановлению старых названий. “После 1922 г., — писал П.В. Сытин, — новые переименования улиц не ставили себе уже задачей устранить одноименность. 12 августа 1924 г.

Моссоветом были переименованы 63 улицы и переулка, 17 декабря 1925 г. — еще 81, носившие фамилии бывших домовладельцев”, и добавлял: “Однако и поныне еще около 350 улиц и переулков носят фамилии домовладельцев: они не грешат одноименностью и потому не снимаются, хотя их давно бы уж следовало снять” [2, с. 50]. Печально, что выдающийся историк Москвы одобрял или, скорее, вынужден был делать вид, что одобряет, варварское уничтожение ценных памятников истории, хранимых языком.

Кстати, помимо названий улиц, связанных с фамилиями домовладельцев, из московской внутригородской топонимии изгонялись и религиозные названия. Так, в 1922 г. *1-й, 2-й и 3-й Воздвиженские переулки* были переименованы в *1-й, 2-й и 3-й Тружениковы*, а в 1924 г. *Протопоповский переулок* стал именоваться *Безбожным*.

Важно отметить, что послереволюционные переименования улиц изменили систему русской внутригородской топонимии не только содержательно, но и формально, грамматически. До 1917 г. названия улиц могли строиться по двум основным моделям. Первая из них включала существительные, к которым иногда добавлялись определения (*Арбат, Зацепя, Щипок, Большие Кочки, Новая Дорога*). При этом многие существительные были образованы от относительных прилагательных (*Дмитровская дорога > Дмитровка, Рождественский монастырь > Рождественка, Малороссийское подворье > Маросейка*). Вторая модель использовала качественные, относительные или притяжательные прилагательные, имевшие форму того рода, которого требовали слова *улица, переулок* или *тупик* (*Тверская улица, Новая Басманная улица, Скатертный переулок, Хлебный переулок, Садовый тупик*).

В наименованиях, построенных по второй модели, достаточно широко использовались притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов, -ин*. Так, появившиеся в XIX в. на карте Москвы *Усачева улица* и *Гаврикова улица* содержат в своем составе притяжательные прилагательные, образованные от фамилий домовладельцев *Усачёв* и *Гавриков* и омонимичные этим фамилиям. О том, что перед нами не формы родительного падежа существительных, а именно притяжательные прилагательные, свидетельствует порядок слов: в противном случае было бы *улица (кого?) Усачёва* и *улица (кого?) Гаврикова*.

² Между прочим, в честь председателя Сокольнического райсовета П.А. Бабаева в 1922 г. была названа и старейшая и крупнейшая в России кондитерская фабрика, которой до революции владело “Товарищество А.И. Абрикосова и Сыновей” [4].

Аналогичным образом в таких названиях, как *Лихов* или *Пыхов переулок*, были использованы притяжательные прилагательные, образованные от фамилий *Лихов* и *Пыхов*. В наши дни притяжательные прилагательные утратили свою продуктивность, и если названия *Лихов* или *Пыхов переулок* не вызывают соблазна осмысливать словоформы *Лихов* и *Пыхов* как формы родительного падежа множественного числа, образованные от загадочных существительных *лих* и *пых*, то словоформы *Усачева* и *Гаврикова* в названиях улиц стали восприниматься многими носителями русского языка как формы родительного падежа: *улицы* (кого?) *Усачева* и *Гаврикова*.

Первые советские переименования улиц использовали обе упомянутые традиционные модели, однако гораздо чаще — вторую. Так, в соответствии с первой моделью в Москве появились *улица Богатырский Мост* (1928 г.), *улицы Ленинская Слобода* и *Ленинская Слобода* (обе — 1930 г.), а в соответствии со второй моделью — *Большая* и *Малая Коммунистические улицы* (1919 г.), *Ульяновская улица* (1919 г.), *Тульская улица* (1923 г.), *Амбулаторный переулок* (1924 г.) и др. В первых советских названиях довольно широко использовались и притяжательные прилагательные, о чем свидетельствуют такие появившиеся в 1922 г. названия, как *Алымова улица* и *Алымов переулок*, *Бобров переулок*, *1-я*, *2-я* и *3-я Бухвостовы улицы*, *1-й* и *2-й Носовы переулки*.

Одновременно с использованием старых топонимических моделей в послереволюционное время начинает активно употребляться новая модель — имена существительные в форме родительного падежа, выступающие как несогласованные определения при родовых наименованиях *улица*, *площадь*, *переулок* и т.п. Уже в 1918 г. в результате переименований в Москве появляются названия *площадь Революции*, *площадь Коммуны* и *площадь Борьбы*, позднее — *площадь Свердлова* (1919 г.), *площадь Воровского* (1924 г.) и *площадь Дзержинского* (1926 г.), а также многочисленные названия улиц: *Воровского* (1923 г.), *Дзержинского* (1926 г.), *Мархлевского* (1927 г.), *Двадцать Пятого Октября* (1930 г.), *Кирова* и *Горького* (1930 г.) и др. В результате к настоящему времени новая топонимическая модель стала ведущей не только в Москве, но и во всех других российских городах.

О причинах высокой популярности этой модели Т.В. Шмелева пишет так: «Почему большевикам так приглянулся родительный падеж?

Можно высказать несколько предположений. Его удобство состоит в том, что конструкции с родительным падежом допускают включение политических терминов типа *диктатура* и иноязычных имен, от которых невозможно образование прилагательного. Так, если *улица Пушкина* может быть и *Пушкинской*, то для фамилий *Либкнехт*, *Люксембург* и под. таких вариантов нет. Кроме того, конструкции с родительным падежом допускают двусловные (и более!) наименования, что исключено для прилагательных: *улицу Карломарксовскую* никто не предложил. Важен и стилистический момент: из синонимичных языковых средств, выражающих отношения — прилагательного и существительного в родительном падеже (ср.: *отцовский дом* и *дом отца*), — именно последний типичен для бюрократического, канцелярского языка, который стал стилистической доминантой советской словесной культуры» [3, с. 80–81].

Всё сказанное Т.В. Шмелевой можно резюмировать следующим образом: если грамматически независимые существительные и прилагательные были удобной формой образования внутригородских топонимов при их стихийном, естественном образовании, то модель родительного падежа существительных представляет собой оптимальный способ образования топонимов при искусственном, административном создании топонимических систем. В самом деле, стихийно создавая наименования улиц, простые люди наполняли имевшиеся в русском языке модели обозначениями отличительных признаков этих улиц; власти же шли в обратном направлении — подбирали модель, удобную для выражения заранее выбранных ими мемориальных или пропагандистских смыслов. При этом, втором, подходе модель родительного падежа являлась более универсальной, годящейся почти для любых названий, поэтому она и победила.

Однако вернемся к вопросу, поставленному в начале статьи. Чем объяснить, что при всей универсальности модели родительного падежа далеко не все внутригородские топонимы, например **улица Театра* или **улица Школы*, могут быть по ней построены? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо проанализировать смысловые различия между согласованными и несогласованными определениями.

3. В чем состоят различия между согласованными и несогласованными определениями

К сожалению, в период увлечения лингвистов углубленным изучением преимущественно

формы языковых единиц, т.е. на протяжении значительной части XX в., вопрос, стоящий в заголовке этого раздела, почти не привлекал внимания лингвистов. Констатируя существование согласованных и несогласованных определений, многочисленные описания грамматической системы русского языка, как правило, делали оговорку: “Согласованные определения, выраженные относительными прилагательными, обозначают признаки предметов не непосредственно, а через отношение к другим предметам или действиям, а также к месту, времени — в соответствии со значением основы прилагательного. Некоторые определения этого типа соотносительны с соответствующими разрядами несогласованных определений <...> и могут быть использованы для синонимической замены последних (ср. *железная крыша* — *крыша из железа*, *смазочное масло* — *масло для смазки*, *январский день* — *день в январе* или *день января*)” [6, т. 2, ч. 1, с. 533–534]; ср. [7, с. 430]. Однако информации о том, в каких случаях возможны, а в каких — невозможны подобные синонимические замены, в грамматиках, как правило, нет.

В последние десятилетия важный вклад в решение стоящего перед нами вопроса внес С.А. Лутин, вскрывший принципиальное отличие приименного родительного падежа от всех других падежей. Как пишет С.А. Лутин, “разнообразие значений словосочетаний, в которые может быть включен приименный РП <здесь и далее — родительный падеж>, свидетельствует не о многообразии его грамматических значений, а, наоборот, о том, что РП вообще не имеет собственно падежных значений (таких как орудийное, прямообъектное, локативное, делиберативное и т.п. у соответствующих падежей)” [8, с. 42]. И далее: “В любом тексте родительный приименный маркирует знак того и только того референта, который заранее известен либо из предыдущего текста (контекста в узком смысле), либо из тех знаний, обоюдное наличие которых может с уверенностью предположить говорящий (контекст в широком смысле). Необходимость введения в текст контекстуального признака в форме имени в РП возникает в случае, если сведения об одном из референтов представляются автору информативно недостаточными. Такая ситуация возникает либо в силу того, что имя референта впервые вводится в контекст, либо только что было введено в контекст, но в слишком обобщенном виде, либо в дальнейшем контексте

будет пониматься по-новому. Говоря коротко, необходимость в родительном приименном появляется тогда и только тогда, когда требуется актуализация смысла имени одного из референтов” [8, с. 48–49].

Конкретизируем сказанное. Как известно, понятие “актуализация” было введено Ш. Балли, который писал: “Для того чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать. Актуализировать понятие — значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально; оно выражает представление какого-нибудь одного рода (вещь, процесс или качество). Действительности же роды не ведомы: в ней есть только индивидуальные сущности” [9, с. 87].

Таким образом, можно утверждать, что актуализация — это перевод содержания языковой единицы из языка в речь путем привязывания этого содержания к знаниям адресата. Средства, используемые для осуществления актуализации, принято называть актуализаторами. Если языковая единица употреблена так, что ее смысл понятен адресату благодаря контексту, ситуации общения или предшествующим знаниям, она воспринимается как актуализированная и не требует использования никаких добавочных актуализаторов. Так, является актуализированным благодаря ситуации общения содержание слова *пропуск* во фразе вахтера *Предъявите пропуск!* Понятно, что в данном случае речь идет о вполне определенном документе пришедшего человека. Как правило, не требуют использования актуализаторов имена собственные. При их корректном употреблении они должны быть заранее актуализированы совместными знаниями отправителя и адресата.

Если же номинативная единица употреблена без необходимой актуализации, то адресат, понимая ее языковое значение, не сможет воспринять речевой смысл этой единицы. В подобных случаях люди обычно задают уточняющие вопросы *Какой?* (или *Какая?*, *Какое?*). Представим себе, что учитель обратился к одной из учениц: “Настя, спустись, пожалуйста, в библиотеку и принеси мне книгу”. Естественная ответная реакция ученицы — это вопрос: “Какую книгу?”. Дело в том, что слово *книга* в прозвучавших словах не было привязано к знаниям адресата. Учителю следовало сопровождать слово *книга* актуализаторами типа

ту книгу, которую я там оставил; ту книгу, которую я показывал вам на прошлом уроке или, например, свою любимую книгу. Актуализатор может информировать адресата и о том, что образа обозначаемого предмета в сознании этого адресата еще нет. В таких случаях говорят: “Принеси какую-нибудь (или любую) книгу” [10, с. 17].

Всё сказанное позволяет нам перейти к вопросу о том, почему невозможны топонимы типа *улица Народа или *улица Театра. Понятно, что существительное в форме родительного падежа, стоящее при родовом наименовании улицы, выступает как актуализатор содержания этого слова. Поэтому при корректном употреблении смысл такого существительного должен быть понятен адресатам. Это требование оказывается соблюденным в таких внутригородских топонимах, как площадь Свердлова или площадь Дзержинского, поскольку Я.М. Свердлов и Ф.Э. Дзержинский — широко известные исторические личности. Рассматриваемое требование воспринимается как соблюденное и в названиях типа улица Шеногина или набережная Шитова. В честь кого были названы эти городские объекты, подавляющему большинству наших современников неизвестно. Однако, как уже было сказано, смыслы имен собственных по умолчанию считаются заранее известными адресатам. Разумеется, если бы в обыденной речи мы слышали: “Шеногин просил вас зайти в кабинет Шитова”, то это вызвало бы недоуменный вопрос: “А кто такие эти Шеногин и Шитов?”. Но поскольку основная функция внутригородских топонимов — номинативная и особой необходимости в том, чтобы представить себе обозначаемых в составе топонимов людей нет, то наименования с неизвестными адресатам именами собственными обычно воспринимаются как корректные.

Корректны и такие внутригородские топонимы, как проспект Мира и улица Свободы. Ведь “мир” и “свобода” — это абстрактные понятия, которые присутствуют в сознании любого человека, а потому их смыслы всем понятны и не нуждаются в актуализации. Приблизительно то же можно сказать и о топонимах улица Авиаторов и улица Космонавтов. Формы множественного числа авиаторы и космонавты подразумевают не конкретных, а любых представителей хорошо известных адресатам профессий, поэтому для понимания выражаемых смыслов слова авиаторы и

космонавты не нуждаются в дополнительных распространителях.

Здесь необходимо сделать оговорку о том, что смыслы несогласованных определений, которые входят в состав внутригородских топонимов, непременно должны быть понятными в период их возникновения. С течением времени эти смыслы могут затемняться, что, естественно, не влечет за собой немедленной отмены соответствующих топонимов. Так, во второй половине XX в. многими были забыты мотивы образования в послереволюционные годы таких московских топонимов, как улица Двадцать Пятого Октября, площадь Коммуны, площадь Борьбы и шоссе Энтузиастов. Название улица Двадцать Пятого Октября ошибочно воспринималось многими москвичами как посвященное 25-й годовщине Октябрьской революции, хотя на самом деле в этом топониме фигурирует дата начала революции по существовавшему в России “старому стилю” летосчисления. После того как в 1918 г. страна была переведена на “новый стиль”, датой начала революции стало считаться 7 ноября. Под коммуной в названии площадь Коммуны подразумевался, конечно, не ‘коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда’, а именно Парижская коммуна — ‘революционное правительство рабочих, существовавшее в Париже с 18 марта по 28 мая 1871 г.’. Название площадь Борьбы было присвоено одной из московских площадей в 1918 г., когда еще была свежа память о той вооруженной борьбе, которая проходила в районе этой площади в дни революции.

Более подробного комментария, на наш взгляд, требует название шоссе Энтузиастов. В словаре “Имена московских улиц” о шоссе Энтузиастов сказано следующее: «Возникло как дорога в г. Владимир и до 1919 г. называлось Владимирским ш. или просто Владимирской. По этой дороге на каторгу или в ссылку в Сибирь следовали этапы уголовных и политических заключенных. Авторы названия, видимо, считали “энтузиастами” и тех и других» [1, с. 590]. С таким объяснением трудно согласиться. Слово энтузиаст означает ‘человек, охваченный сильным воодушевлением, душевным подъемом, увлеченностью чем-либо’. В 1940 г. появилась и получила большую популярность песня И. Дунаевского и А. д’Актиля “Марш энтузиастов”, в которой пелось: “Нам нет преград ни в море, ни на суше, /

Нам не страшны не льды, ни облака. / Пламя души своей, знамя страны своей / Мы пронесем через миры и века!” и которая едва ли исполнялась от лица людей, направлявшихся на каторгу или в ссылку. Думается, что под энтузиастами после Октябрьской революции, скорее всего, подразумевали не каторжников, а всех советских людей, строителей новой жизни; наименование же *шоссе Энтузиастов* присвоили бывшей Владимирке не в честь каторжников, а с тем, чтобы ее название больше не вызывало негативных ассоциаций.

Итак, внутригородские топонимы с формой существительного в родительном падеже возможны только в тех случаях, когда смысл этого существительного понятен. В случае же его непонятности существительное нуждается в дополнительной актуализации, для чего к нему, как правило, добавляются определения. Именно по этой причине невозможно такое название, как **проезд Театра*, притом что в Москве существует *проезд Художественного Театра*; невозможны названия **улица Курсантов*, **улица Ополчения*, **улица Рожи* или **проезд Сторожки*, однако в Москве есть *улицы Подольских Курсантов*, *Народного Ополчения*, *Марьиной Рожи*, а также *проезд Соломенной Сторожки*. Даже если носителям русского языка и неизвестны те конкретные объекты, в честь которых были названы эти улицы, только что перечисленные названия не вызывают сомнений, что данные объекты существуют или существовали.

Почему же при невозможности названия **проезд Театра* вполне нормативно название *Театральный проезд*? Дело в том, что в отличие от внутригородских топонимов, имеющих форму существительных в родительном падеже, на топонимы, представляющие собой качественные или относительные прилагательные, жесткие ограничения не накладываются. Что касается качественных прилагательных, то они представляют собой непосредственные обозначения признаков предметов, а потому возможности их использования ограничены лишь теми свойствами, которые могут иметься у городских улиц. В Москве существуют такие названия, как *Красная площадь*, *Старая* и *Новая площади*, *Живописная*, *Широкая* и *Просторная улицы*, *Узкий переулок* и *Широкий проезд*.

Если же говорить об относительных прилагательных, то они называют признаки, связанные с отношением к другим предметам.

При этом в тех случаях, когда относительные прилагательные образованы от имен нарицательных, они подразумевают неактуализированные смыслы. Поэтому известность адресатам предметов, на которые указывают относительные прилагательные, совершенно необязательна. Так, название *Театральный проезд* может подразумевать и какой-то конкретный театр, и театры вообще. Аналогичным образом тот факт, что улицы носят такие названия, как *Школьная* или *Библиотечная*, совсем не означает, что они названы по конкретным школе или библиотеке. Ср. следующую справку из словаря “Имена московских улиц”: “В 1919 г. пять Рогожских улиц (по названию Рогожской ямской слободы, бывшей здесь в XVII–XVIII вв. <...>) были переименованы соответственно в Школьную, Библиотечную, Вековую, Пролетарскую и Трудовую. Новые названия были выбраны произвольно (без привязки к реальным объектам), как абстрактные символы культуры и труда” [1, с. 58].

Если же относительные прилагательные образованы от имен собственных, то, естественно, они способны указывать на отношение к единичным объектам. Так, название *Бауманская улица* соотносится с фамилией революционера Н.Э. Баумана, название *Абрамцевская улица* дано по подмосковной усадьбе Абрамцево, а наименование *Волжский бульвар* — по реке Волге.

Для обозначения отношения к единичным объектам предназначены и притяжательные прилагательные на *-ов*, *-ин*, ср. *Брюсов* и *Бобров переулки*, *Берингов проезд*, *Мишина улица*. Однако, с одной стороны, в системе русского языка такие прилагательные утратили свою продуктивность, а с другой — они могут образовываться только от существительных, обозначающих людей (*мамина сумка*) и животных (*кошкина миска*). Судя по всему, создатели новых советских внутригородских топонимов не очень хорошо осознавали это ограничение, а потому использовали притяжательные прилагательные гораздо шире, чем это позволяют нормы русского языка. Наиболее комичным из ряда некорректно образованных внутригородских топонимов представляется созданное в 1922 г. и существующее до сих пор название *Веткина улица*, которое было образовано не от несуществующего антропонима **Ветка*, а от прежнего “монархического” названия *улицы Царская Ветка*. Этот топоним был мотивирован расположением улицы возле

железнодорожной ветки, по которой перегонялись вагоны царской семьи. Нарушающими установку на соотнесенность притяжательных прилагательных только с людьми и животными, представляются и такие названия 1920-х гг., как *Лучников переулок* (присвоено в 1922 г. по названию находившего на этом месте селения *Лучники*), *Плотников переулок* (1922 г., дано по церкви Николая Чудотворца в Плотниках), *Синичкина улица* (1922 г., дано по названию речки Синички), *Зельев переулок* (произведенная в 1925 г. замена прежнего названия *Аптекарский переулок*, мотивированная тем, что одно из значений слова *зелье* — ‘настой на травах, применявшийся в старину как лечебное или отравляющее средство’).

Вместе с тем, важное ограничение на использование во внутригородских топонимах имен прилагательных состоит в том, что язык далеко не всегда располагает необходимыми прилагательными. Так, в русском языке не существует прилагательных, образованных от таких слов, как *дружба*, *борьба*, *космонавты*, *энтузиасты*; нельзя образовать прилагательные от многих словосочетаний, например *подольские курсанты*, *десятилетие Октября*, *герои-панфиловцы*, *академик Люлька*, и именно поэтому топонимы типа *улица Дружбы* или *улица Подольских Курсантов* невозможно заменить названиями в форме прилагательных. Между прочим, трудности нахождения необходимых относительных прилагательных получили отражение в появившемся в 1925 г. в Москве названии *Бойцовая улица*. Как гласит справочная литература, улица была названа в честь бойцов Красной Армии, сражавшихся на фронтах Гражданской войны. Однако это название очевидным образом нарушает нормы словообразования, поскольку в русском языке суффикс *-ов/-ев* предназначен для образования относительных прилагательных преимущественно от неодушевленных существительных с конкретным значением (например, *домовый*, *классовый*), а также от названий животных (*моржовый*, *слоновый* и др.). Прилагательные, образованные от наименований лиц (*карликовый*, *мастеровой*), единичны и задаются в грамматиках списком [11, т. 1, с. 279].

Немаловажно и то, что относительные прилагательные не всегда хорошо соотносятся с теми существительными, от которых они образованы. Приведем пример. Возле главного здания Московского университета есть две параллельные улицы. Первая, расположенная

рядом с химическим факультетом, называется *Менделеевская*, вторая, проходящая около физического факультета, носит название *улица Лебедева*. Легко понять, почему названия соседних улиц образованы по разным моделям. Фамилия *Менделеев* достаточно редкая, имя выдающего ученого широко известно, и потому название *Менделеевская* почти однозначно ассоциируется с именем знаменитого химика. Что же касается теоретически возможного названия *Лебедевская улица*, то его можно было бы соотнести не только с физиком П.Н. Лебедевым, а также с другими известными Лебедевыми, но и с людьми по фамилии Лебедевский, а также с топонимом *Лебедево*. По этой причине название *улица Лебедева* выглядит гораздо более однозначно. А вот другой пример. Совершенно очевидно, что наименования *улица Академика Павлова*, *улица Академика Петрова* и *улица Академика Семенова* нельзя было бы заменить названиями *Павловская*, *Петровская* и *Семеновская улицы*, поскольку они бы с именами ученых не соотносились.

4. Заключение

Всё сказанное дает основания для следующих выводов:

1. До революции 1917 г. подавляющее большинство внутригородских топонимов выполняли исключительно номинативную функцию. Ведущим способом их образования был естественный способ, при котором названия сначала стихийно возникали в речи горожан и лишь потом фиксировались картографами и властями. При таком способе использовались две модели образования топонимов — модель “независимое имя существительное” (*Арбат*, *Зацепя*, *Дмитровка*) и модель “имя прилагательное в позиции согласованного определения к словам типа *улица* или *переулок*” (*Тверская улица*, *Скатертный переулок*).

2. После революции 1917 г. новые власти, не отменяя номинативной функции внутригородских топонимов, стали требовать от них выполнения еще и мемориальной и пропагандистской функций. Многие из топонимов, которые не выполняли этих функций, заменялись новыми. Естественный способ образования внутригородских топонимов был заменен на административный: все топонимы вводились по распоряжению властей. Необходимость отражения внутригородскими топонимами памятных событий и имен выдающихся людей отодвинула на периферию прежние топонимические модели и сделала ведущей

модель “слова типа *улица* + существительное в родительном падеже” (*площадь Дзержинского, улица Двадцать Пятого Октября*). Новая модель, в отличие от традиционных, давала возможность легко образовывать топонимы почти от любых номинативных единиц.

3. Важное ограничение, которое грамматическая система русского языка налагает на использование топонимической модели “слова типа *улица* + существительное в родительном падеже”, обусловлено тем, что в русском языке позиция приименного родительного падежа предназначена для актуализации смысла определяемого слова. Это означает, что существительные в форме родительного падежа, выступающие как несогласованные определения при словах типа *улица*, должны привязывать содержание этих слов к знаниям адресатов, а потому выражать смыслы, понятные адресатам. По этой причине при существовании или потенциальной возможности таких топонимов, как *проезд Художественного Театра* или *переулок Сандуновских Бань* (благодаря определениям адресатам понятно, о каком именно театре и о каких банях идет речь), не соответствующим языковым нормам названия **проезд Театра* или **переулок Бань*. Такое несоответствие компенсируется возможностью образования топонимов – согласованных определений типа *Театральный проезд* или *Банный переулок*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Имена московских улиц: Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007.
2. Сытин П.В. Откуда произошли названия улиц Москвы. М.: Московский рабочий, 1959.
3. Шмелева Т.В. Новгородская словесность / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016.
4. Кондитерский концерн “Бабаевский” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uniconf.ru/factories/babaevsky/#history>
5. Москва: Энциклопедия / гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Советская энциклопедия, 1980.
6. Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова и Е.С. Истриной. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
7. Русский язык: Энциклопедия / под общ. ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.

8. Лутин С.А. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. М.: Российский университет дружбы народов, 2007.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001.
10. Федосюк М.Ю. Что означают слова и предложения // Русский язык в школе. 2015. № 12. С. 17–21.
11. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

REFERENCES

1. *Imena moskovskikh ulits: Toponimicheskii slovar* [The names of Moscow Streets: A Toponymic Dictionary]. Moscow, OGI Publ., 2007. (In Russ.)
2. Sytin, P.V. *Otkuda proizoshli nazvaniya ulits Moskvy* [Where Did the Names of Streets in Moscow Come From]. Moscow, Moskovskiy Rabochiy Publ., 1959. (In Russ.)
3. Shmeleva, T.V. *Novgorodskaya slovesnost* [Novgorod Philology]. Velikiy Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo Publ., 2016. (In Russ.)
4. *Konditerskiy kontsern “Babaevskiy”* [Confectionery Concern “Babaevsky”]. [Electronic resource]. URL: <https://www.uniconf.ru/factories/babaevsky/#history> (In Russ.)
5. *Moskva: Entsiklopediya* [Moscow: Encyclopedia]. Narochnitskiy, A.L. (Gen. Ed.). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980. (In Russ.)
6. *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of Russian Language]. Vinogradov, V.V., Istrina, E.S. (Gen. Ed.). Moscow, AN USSR Publ., 1954. (In Russ.)
7. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moldovan, A.M. (Gen. Ed.). Moscow, AST-PRESS ShKOLA Publ., 2020. (In Russ.)
8. Lutin, S.A. *Russkiy genitiv v funktsionalno-semanticheskom aspekte*. [Russian Genitive in the Functional and Semantic Aspect]. Moscow, Rossiyskiy universitet druzhby narodov Publ., 2007. (In Russ.)
9. Balli, Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka*. [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, URSS Publ., 2001. (In Russ.)
10. Fedosyuk, M.Yu. *Chto oznachayut slova i predlozheniya* [What Words and Sentences Mean]. *Russkiy yazyk v shkole* [The Russian Language at School]. 2015, No. 12, pp. 17–21. (In Russ.)
11. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Shvedova, N.Yu. (Gen. Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)